

**БОЛЬШИЕ ТАЙНЫ
МАЛЕНЬКИХ
ГОРЮДОВ**

ТАТЬЯНА **СТЕПАНОВА**

СВЕТЛЫЙ ПУТЬ
В НИКУДА

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С79

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *С. Курбатова*

Издание осуществлено при содействии
«Литературного агентства Ольги Рубис»

Степанова, Татьяна Юрьевна.

С79 Светлый путь в никуда : [роман] / Татьяна Степанова. — Москва : Эксмо, 2024. — 384 с. — (Большие тайны маленьких городов).

ISBN 978-5-04-199712-0

Криминальный обозреватель Пресс-центра ГУВД Московской области Екатерина Петровская вместе с полковником Гушиным становятся участниками расследования жестокой расправы над семьей знаменитой писательницы Клавдии Первомайской. «Последнего великого детского классика» убили накануне ее столетнего юбилея вместе с дочерью и внучкой на даче в известном поселке отечественной интеллигенции «Светлый путь». Кате и полковнику Гушину предстоит распутывать мрачный клубок тайн, которые всю жизнь окружали неоднозначную личность Первомайской, сочинявшей стихи и сказки для детей и одновременно написавшей десятки доносов во времена СССР. Что же стало причиной столь бесчеловечного преступления? И кто был главной целью убийцы — сама ли столетняя писательница или кто-то из ее близких?..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Степанова Т.Ю., 2024

© Оформление.

ISBN 978-5-04-199712-0

ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Избушка — зимовье во мраке лесном:
Замшелая крыша, свет солнца и тени.
И котик сказал: «Братцы, мяу, наш дом!
Нашли, что не ждали. Такое везенье!
Все вместе так славно,
так дружно мы здесь заживем!»

Клавдия Первомайская.
Детская пьеса «Зимовье зверей»
Действие 1.

Глава 1

ОТТЕПЕЛЬ

Внуково. 2 июня 1964 г.

Соловей в кустах белой сирени пел так, что они невольно остановились, заслушались.

— Как в сказке Андерсена, Клавдия Кузьминична.

— Андерсен — выдумщик, Фирочка. Соловей призывает самку для продолжения рода. Это естественный отбор. Ему дела нет ни до сказок, ни до смерти, ни до нас с вами. Фирочка, а вы эмоциональны и чувствительны, да?

— Я не знаю, Клавдия Кузьминична. Да нет. Просто чудо как поет соловушка.

Две женщины — зрелая и юная — неторопливо шли по освещенной дачной улице мимо заборов из штакетника, за которыми в пышных садах либо в девственном сосновом лесу скрывались большие дачи. Теплый погожий июньский день сменился столь же теплым ясным вечером. На дачах текла своя особая вечерняя жизнь, присущая лишь этому месту, этому удивительному, окутанному легендами дачному поселку.

Звуки джаза... Откуда-то издалека, со стороны «Московского писателя». Причем джаз — настоящий, играет у кого-то на огромной веранде, полной гостей.

Песня из новомодного транзисторного приемника «Легко на сердце от песни веселой»...

Смех... Развеселый пьяный гомон: «Дорогому юбиляру — лауреату! Гип-гип, ура!»

А с участка напротив — гром семейного скандала: «Ты обращаешься со мной как с домработницей! Я не буду этого терпеть! И постоянно третируешь мою маму! Звони в гараж, вызови мне машину! Мещанин и деспот! Я уезжаю, ухожу от тебя! Я актриса Московского Художественного театра, а ты — ничтожество!»

И снова — звуки джаза...

«Моя Марусечка, моя ты душенька»...

Двадцатипятилетняя Фирочка — Эсфирь Кленова оглянулась через плечо на путь, который они проделали от своей дачи: аккуратная, освещенная фонарями аллея. Вот он, этот самый «Светлый путь». Поэтому поселок так и назвали когда-то — «Светлый путь». А впереди знаменитая «канава» — узкая речушка, заросшая осокой, и деревянный горбатый мостик — граница, разделяющая поселки «Светлый путь» и «Московский писатель».

Эсфирь восторженно созерцала и канаву, и мостик, и пышные кусты персидской сирени с их волшебным ароматом, и свою спутницу и *работодательницу* Клавдию Первомайскую — знаменитую детскую писательницу, чьи стихи про пионеров она знала наизусть со школы, как и все дети Советской страны.

Клавдии Первомайской исполнилось сорок пять, и она была на восьмом месяце беременности. Грузная брюнетка, во время беременности она чудовищно прибавила в весе и сейчас медленно брела, точнее, плыла по «светлому пути» дачной аллеи, придерживая руками складки муаровой персидской шали на огромном выпуклом животе, обтянутом домашним платьем. Ноги ее во время беременности отекали и распухли. И она еле втискивала их в разношенные дачные туфли, у которых

отрезали задники. Но лицо ее было прекрасным — возможно, некрасивым по жизни, лишенным шарма, но прекрасным, излучающим особый свет, как лица всех беременных женщин на последних сроках. И Эсфирь восхищалась ею.

Она работала у Первомайской всего лишь два месяца. Та взяла ее к себе вместо прежнего литературного секретаря, о котором — молодом выпускнике Литинститута — ходили лукавые и злые сплетни. И Эсфирь все это время чувствовала себя так, словно она сама оказалась в сказке, удивительном мире.

На деревянном мосту они снова остановились. Клавдии Первомайской потребовался отдых. Она зорко всматривалась в даль освещенной дачной улицы.

— Побежал, побежал, побежал, побежал. Ишь ты, — указала подбородком на мужчину, выскочившего из калитки, словно чертик из табакерки. — В магазин до закрытия хочет успеть. Водки гостям не хватило. Кто это? Из Малого театра, что ли? Вроде нет. Корифей... Корифеи наши, Фирочка, пьют, как буденновские кони.

Мужичок скрылся за углом.

— Я Ильинского видела в магазине вчера, — восторженно пискнула Эсфирь, — в ковбойке! В кедах! Вермишель покупал и вино грузинское. Я... я чуть в обморок не упала. Мне девчонки не поверят. Мы «Карнавальную ночь» смотрели семь раз в кино!

— А, эта фильма... Говорят, с нее все и началось. Это самое — как сейчас окрестили, «оттепель». — Клавдия Первомайская усмехнулась: — Вся эта **вакханалия**.

Звуки живого джаза с дальнего участка...

— Это у Дунаевских играют? — спросила юная Эсфирь.

— Это? «Лимончики»? Нет... Исаак... Дуня жил ближе к Абадурово. Там теперь тихо стало, как в могиле.

Да и раньше, перед его смертью, тоже все затихло. Он сильно переживал. Слышали ту историю?

— Дикие слухи ходят, Клавдия Кузьминична.

— И все вранье. Как и про меня... Это, Фира, у Ленчика играют.

— У Ленчика? Вы имеете в виду...

— Утесова. Дает жару. Никогда не унывает. Сходите как-нибудь днем, посмотрите на его дачу через забор. Напишите потом в конце жизни мемуары. Как люди умели устраиваться даже при Сталине. А меня еще упрекают. Эта старуха из Комарово — она тут, говорят, заявила — мол, «пишут плохие книги и строят большие дачи». Это она про меня. В мой огород камешек.

Интеллигентная умница Эсфирь при упоминании «Комарова» поняла, что Первомайская говорит об Анне Ахматовой. И таким едким тоном.

— Фира, я надеюсь, что вы будете у меня работать долго. Очень бы этого хотелось. Так вот. Вам обо мне расскажут много всего очень плохого. Сейчас время такое. Оттепель... Вседозволенность... Клевету поощряют... Клевету, поклеп на некогда заслуженных людей. То письмо, что опубликовали, которое я Сталину написала... Читали статью?

— Читала, Клавдия Кузьминична. Но я...

— Нет, ничего пока не говорите. И хорошо, что признались. Значит, вы в курсе, какое ко мне теперь отношение. И в самиздате еще не раз прочтете. Разные там мемуары, воспоминания про «большой террор» и про меня. А мне тогда было восемнадцать лет. Когда вы родились, Фирочка, я сидела в «Крестах». И я потеряла своего первенца там, — Первомайская руками обхватила свой необъятный живот. — Нет, нет, снова ничего не говорите. Слушайте. Я когда-нибудь расскажу вам всю правду. Как оно все было на самом

деле тогда со мной. Когда мы лучше узнаем друг друга. И я поверю в вас.

— Клавдия Кузьминична, я... Я всегда... не сомневайтесь!

— Соловей-то все поет. Ишь, разбойник, — Первомайская двинулась по «светлому пути» дачной аллеи в «Московский писатель», ведя за собой ошеломленную Эсфирь. — И джаз утесовский ему не помеха. Мне бы тогда эту птичку-певунью, когда я смерть вот как вас видела. Нет, не прилетел ко мне соловушка. Это все лживые сказки, Фирочка. Добро редко побеждает зло. А вы, девочка, наверное, здесь у нас на больших дачах себя как в кино чувствуете?

— Да, Клавдия Кузьминична! Я поверить не могу, что все эти люди... Артисты, писатели...

— Босоножки какие у вас миленькие. Синенькие. Импортные?

— Чешские. С подругами четыре часа в ГУМе в «Обувь» стояли.

— Надо вас приодеть.

В этот момент на перекрестке дачной аллеи остановилась «Волга» — такси. Из него вышла худенькая невысокая женщина в прекрасно сшитом, явно заграничном костюме из твида, с изящной сумочкой в тон светлых туфель. Пожилая, но такая вся из себя...

Эсфирь снова восторженно ахнула и, забыв о приличиях, толкнула Первомайскую локтем.

— Это же сама... Я сплю?!

По дачной улице от них удалялась Любовь Орлова. Она видела Первомайскую, но не кивнула ей, не поздоровалась — напротив, как-то суетливо и быстро отвернулась. И даже хотела вроде как снова сесть в такси, но машина уже разворачивалась.

Орлова шла по дачной улице. Клавдия Первомайская смотрела ей вслед.

— Как простая. На такси после спектакля в Моссовета. Скромненько так, ненавязчиво... Чтобы лично шофера не заставлять долго ждать. Чтобы в театре потом судачили — какая она демократичная баба. Как заботится о своей прислуге. Вот уж кто, Фирочка, вечно лицемерил. Лжет и роль играет даже тогда, когда ее никто не видит. Остановилась не у ворот дачи, а здесь, у канавы — вечерний моцион перед сном. Вечная молодость. Она помешана на этом. А самой уж на седьмой десяток. Меня с той самой публикации в газете в упор не видит. А ей ли меня презирать? Вот уж кто служил, так служил власти. И лично Ему. Усатому. Сколько она для его славы сделала, никто не сделал. И всегда знала, с какой стороны хлеб маслом намазан. А сейчас, в **оттепель**, — лицо Первомайской скривилось от отвращения, — вроде как и они с муженьком-режиссером ни при чем. Словно и не было фильма «Светлый путь» и пропаганды борьбы с врагами народа. Поселок-то наш в честь этого фильма назвали. Фактически строили для нее. И там, наверху, хотели, чтобы она жила здесь, в «Светлом пути», а она не захотела. Они дачу за канавой построили, в «Московском писателе». Игнорирует меня. Ничего. Я не в претензии. Может сколько угодно тешить гордыню — в одном она никогда не сравнится со мной. В этом — самом главном, — Первомайская нежно и любовно погладила свой живот. — У нее никогда не было детей. А у меня будет ребенок. Пусть я выгляжу как толстая старуха в свои сорок пять, но я ребенка рожу. Думаю, это будет девочка... меня наизнанку токсикоз выворачивал пять месяцев — говорят, это потому, что девчонка там внутри. И я буду ее очень любить. Я себе давно еще поклялась, Фирочка. Я буду очень любить

своего ребенка. А у этой вашей Любви Орловой, попомните мои слова, все, все расточится в прах. И эта ваша **оттепель** — она не надолго. Этой оттепели конец скоро — все признаки налицо. Суд-то этот в Ленинграде над мальчишкой-тунеядцем, что возомнил себя поэтом от бога... Как фамилия-то его... Бродский, что ли? Так вот суд — это знак. То время уже прошло. Наступают новые времена. И мы еще посмотрим, Фирочка...

А юная Эсфирь в этот миг смотрела на удаляющуюся Любовь Орлову. Она слышала слова своей работодательницы смутно.

В свои двадцать пять она старалась пропускать все это мимо себя. Мимо ушей. Все это казалось таким неважным. Таким старомодным. Несовременным.

Ее больше занимало — кого из великих знаменитостей она еще сможет встретить здесь, на аллеях «Светлого пути» и «Московского писателя». Она полагала, что вытянула по жизни свой счастливый билет.

Глава 2 «СВЕТЛЫЙ ПУТЬ»

13 сентября. Внуково. Наши дни

Первое тело они увидели в гостиной. Женщина лежала на боку на ковре у дивана в странной, словно «сломанной» позе — одна нога согнута, поджата, другая вытянута, руки широко раскинуты, словно в агонии она пыталась уползти, но сил не хватило.

— Это ее дочь, — сказал эксперт-криминалист. — Три огнестрельных ранения: в спину в области левой лопатки, в плечо сзади и в затылок. Стреляли сзади

с расстояния в два-три метра, скорее всего, от дверей. Она, возможно, даже не успела увидеть убийцу.

Полковник Гушин стоял посреди гостиной. Оглянулся на дверь — за ней большая терраса с садовой дачной мебелью. Именно там, на террасе, были те двустворчатые старые, почти антикварные, белые двери — взломанные, выбитые снаружи. На которые все в опергруппе обратили особое внимание.

Катя — Екатерина Петровская, криминальный обозреватель Пресс-центра ГУВД Московской области — к телу не приближалась, ей одного хотелось — выбраться из этого дома как можно скорее. Но осмотр только начался. И она ведь сама изъявила желание приехать сюда, во Внуково, в этот знаменитый дачный поселок, в погоне за громкой сенсацией.

И вот эта громкая сенсация накрыла ее с головой, как волна — удушьем и спазмом, тошнотой и страхом.

Катя радовалась лишь одному — крови в гостиной мало. Такие чистые огнестрельные раны. Но она не знала, что ждет ее в других комнатах этого страшного дома.

А начиналось все так необычно и позитивно.

Еще вчера — в пятницу — в обеденный перерыв в Главке шеф криминального управления полковник Гушин вдруг позвонил Кате на мобильный и попросил зайти. Они давно не виделись. По главковским сплетням Катя знала, что Гушин брал двухнедельный отпуск не для поездки на отдых, а в целях окончательного оформления развода с женой, с которой не жил уже много лет, имея взрослого сына на стороне. Однако во вторую семью к старинной любовнице после развода полковник не откочевал, предпочтя новый, уже абсолютно свободный холостяцкий образ жизни в недавно купленной квартире где-то в спальном районе.

Обо всем этом взхлеб сплетничали в Главке. И Кате, конечно же, было интересно.

Считается, что в принципе дружба между сотрудником Пресс-службы — полицейским журналистом — и сотрудником уголовного розыска, тем более такого высокого ранга, как шеф криминального управления в чине полковника полиции, — невозможна. Это как лед и пламень, коса и камень.

Но так уж сложилось, что полковник Гушин принял дружбу с криминальным обозревателем как некий своеобразный талисман успешного раскрытия сложных дел. Что он на самом деле думал обо всем этом, для Кати вообще оставалось загадкой. Но она была счастлива и горда дружбой и доверием и не задавала каверзных вопросов по этому поводу. Их с Гушиным связывало такое множество дел, столько странных историй, что она стала рассматривать всю эту необычную ситуацию как нечто само собой разумеющееся.

И на этот раз, когда Гушин позвонил и попросил зайти, Катя подумала — может, что-то по старым делам, какие-то новости. Потому что в сводке происшествий за пятницу и прошлые дни не было ничего интересного, обычная рутина.

Но полковник Гушин, когда Катя зашла в его кабинет, пристально и как-то вдохновенно разглядывал черно-белую картинку в своем смартфоне. А на картинке британский полицейский самозабвенно и отчаянно показывал средний палец и зрителям, и неласковому окружающему миру. Полковник Гушин задал парадоксальный для начальника криминального управления уголовного розыска вопрос:

— Катя, здравствуй. А кто такой Бэнкси?

Катя отметила, что за скорбные дни развода толстый Гушин сбросил пару-тройку кило. Осунулся. И вроде как помолодел?